

СТОП-ЧЕК ТЕБЕ

В БОНУС!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

КАРПАРА ТИФЧИК

*Памфлеты
о русском
корпорате*

Дмитрий Чарков

Дмитрий Чарков Карпара Тифчик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27690944

SelfPub; 2020

Аннотация

Развлекательно-сатирический роман в новеллах, объединенных общими героями и корпоративно-культурной линией повествования на офисную тематику: памфлеты о российском бизнесе, в основе которых – реальные ситуации, взгляд изнутри. Не злой. Но и не добродушный, ибо встраиваемая по принципу совдеповской номенклатуры матрица современной деловой этики уже архаична. Некоторые узнают себя. А остальным понравится. Содержит нецензурную брань.

Дмитрий Чарков Карпара Тифчик

Лица стёрты, краски тусклы –
То ли люди, то ли куклы:
Взгляд похож на взгляд, а тень на тень.
Я устал и, отдыхая,
В балаган вас приглашаю,
Где куклы так похожи на людей.

Андрей Макаревич

пролог

ИСТОРИЯ ТВОЕЙ КОМПАНИИ ИЗ КОРПОРАТИВНОГО СПРАВОЧНИКА

Официальной точкой отсчета в компании принято считать год 1992.

Ударные темпы перестройки административно-командной системы Советского Союза в нечто, приближенное к демократии в новой России – а на самом деле налогового хаоса, политического разброда и базарных шатаний в обществе, как во времена Великой Смуты – вывели на зарожда-

ющийся коммерческий рынок СССР активных людей, обладавших тонкой деловой интуицией и предпринимательской хваткой. Для многих «новых русских», не имевших в то время специального бизнес-образования или «мохнатой лапы» у власть предержащих, полагаясь исключительно на свои собственные интеллектуальные возможности и деловые задатки, этот период российской истории стал определяющим при обозначении стартовых возможностей: попал в тему – хорошо, закрепился в ней – удовлетворительно, стал заметен – пиши: «пропал», поскольку криминальная активность у истоков предпринимательства «особо неодаренных интеллектом» отличалась порой даже большей жестокостью, чем у их аналогов во времена Великой Депрессии в США, и вполне естественно, что основными мишенями этих «новых» русских становились другие «новые», работавшие не только руками и ногами, но, по большей части, своей головой.

Сергей относился именно ко второй категории этих русских – причем той части из них, кто предпочитал особо не рекламироваться и не выделяться из общей тогда серой российской массы. Как говорится, от греха...

В конце 80-х Сергей Сергеевич Новостроев был подающим надежды молодым специалистом, имевшим вполне определенные планы на собственную жизнь и карьеру. Однако единственный и неповторимый Президент СССР внес в них коррективы, как и во всю мировую историю: Сергей,

быстро сориентировавшись в постоянно меняющейся ситуации в России, принял решение не беспомощно барахтаться в стремительном русле перемен, а хоть каким-то образом влиять на развитие, по крайней мере, собственных ценностей и возможностей.

В начале в русском бизнесе было Слово.

И слово то было «*кидай*».

Образовалось же слово от другого созвучного – «Китай»; отсюда караванами шёл дешёвый и часто низкокачественный «ширпотреб» – но это именно тот сегмент ТНП, без которого, вероятно, россияне в 90-х превратились бы в полуголодных и полуодетых папуасов (впрочем, многие-таки всё равно превратились), ибо собственное производство к тому времени в стране уже сгнуло – и, судя по всему, надолго. Шли караваны фур по Дальнему Востоку через российско-китайскую границу, и одним из них погонял наш герой – Сергей Новостроев; и чувствовал он сопричастность с оживлением жизни в стране, и с налаживанием внешне-экономических отношений с соседями. Но и в кармане, надо сказать, тоже прибавлялось.

Потом настал Импорт. Знание английского языка – спасибо родителям! – привел Сергея Сергеевича в благополучную тогда Америку. Отсюда и потекло первое импортное масло в Россию. Да и масло-то непростое, а моторное – самое моторное масло в мире! Успешное прохождение Сергеем национального отборочного конкурса для участия в высо-

ко-престижном российско-американском проекте по обучению русских высоким бизнес-технологиям в самой мощной предпринимательской стране мира способствовал, наконец, пониманию многих вещей и процессов, которые интуитивно Новостроевым угадывались, но теперь уже получили конкретное подтверждение и смысловую нагрузку. Потом ещё много будет обучающих программ, тренингов и семинаров, но именно с того момента бизнес стал не только средством для выживания, но и научно-организованным направлением – сознательным и спланированным – которое превратилось впоследствии в одно из крупнейших и самых успешных частных деловых проектов национального масштаба современной России.

Мало кому известная в начале столетия корейская корпорация PSP, шаг за шагом, приблизилась со своим теперь уже культовым брендом – Чху-Чху – к вершине потребительского спроса на российском рынке автотоваров. Но в начале, в далеком 1999, был только Сергей Новостроев и только потребительский рынок Хабаровска и близлежащих окрестностей, а на Дальнем Востоке «окрестности» принято измерять миллионами квадратных км! Потом филиал во Владивостоке со своим более мощным автомобильным рынком японских «правых», затем офис и склад в Иркутске, и... понеслась родимая по стране!

«Родимая» – потому что компанию назвал он «Рада», а рада – потому что не заморская фамилия, а славянское

чудо. Красноярск, Новосибирск, Омск, Москва... территория компании стремительно расширялась, филиалы быстро осваивали новые географические просторы и рынки сбыта, но территориальная экспансия предполагала *полное* освоение Российской Федерации продуктом, и Магадан, Южно-Сахалинск и Тюмень завершили формирование Восточно-сибирского направления, Санкт-Петербург короновал северо-запад, а Ростов, Тольятти и Казань объединили Волжскую равнину с югом РФ в единый плацдарм для активности и развития партнерских взаимовыгодных отношений компании «Рада».

Сегодня ООО «Рада» и её генеральный директор, С.С. Новостроев, являются владельцами зарегистрированных торговых знаков Interprud, BV-Exe, Чхе-Rus – направления деятельности компании в области автомобильных запчастей и фильтров; одну из ведущих ролей также играет южно-корейский бренд Fotus-Quo по производству автомобильных принадлежностей, и стремительно растёт по стране сеть собственных – про-российских! – станций технического обслуживания, имеющая самые высокие стандарты, современные технологии, достойные уровни сервиса и качество подготовки обслуживающих специалистов.

Сегодня ООО «Рада» – завидный налогоплательщик и одно из самых прилежных юридических лиц в стране, имеющий ежемесячный многомиллионный как внутренний, так и внешний оборот; стабильный бизнес, который постоянно

расширяется и модернизируется; профессиональный и хорошо подготовленный персонал, регулярно проходящий за счет компании обучение и повышение квалификации; и самый низкий процент текучести кадров среди импортеров – торговых дистрибьютеров федерального уровня.

Сегодня ООО «Рада» поставляет свою продукцию в промышленных масштабах таким тяжеловесам российской промышленности, о которых написаны целые тома в истории мирового развития.

Но это уже другая сопричастность – это сопричастность каждого сотрудника компании с её целями, успехами и реальными достижениями. Это сопричастность с личным и семейным благополучием – непревзойденными ценностями сознательного бытия.

Часть первая,
написанная мной

Эпизод 1
ВЕСЁЛЫЙ ГНОМ

... И я там был, мёд-пиво пил, по усам текло...
(Из финала русских народных сказок)

Я почувствовал пронизывающий холод. Попробовал натянуть повыше, к подбородку, куцее бюджетное одеяльце, но

тогда ноги, даже поджатые пятками к собственной драгоценной заднице, оказывались обделенными государственной заботой. Открывать глаза не хотелось – в голове так колотило, что, казалось, если разлепить ресницы, то невидимый молоток в одночасье разmozжит глазные яблоки, и чем тогда Афеноген станет читать недавно подписанный акционерами Регламент премирования директора «Зелёного света»? Я попробовал повернуться на другой бок, и подо мной скрипнули металлические пружины, а к головной молотильне добавился ещё и скрежещущий голос, требовавший адвоката. Зачем мне адвокат, Господи, и почему так холодно?

Во рту было ужасно мерзко, липко и сухо. Я решил всё-таки приподняться и пошарить вокруг руками – нет ли ещё чего-нибудь потеплее рядом. Странно, но кровать была действительно самой что ни на есть железной, а, значит, не моей.

– Хде я? Кто я? – скорее выдохнул, чем пробормотал я потрескавшимися губами и, наконец, открыл глаза.

Тусклый свет от одинокой лампочки. Лампочка в мутном стеклянном абажуре. Абажур в клетке. Клетка на потолке. Потолок был когда-то белым. А стены зелёные и шевелятся. Очень зелёные стены – кто догадался покрасить стены зелёным?

– Я требую адвоката! Вы не имеете... не имеете... права! Верните мой телефон – у меня есть закон... на один телеф... телефон... фонный звонок!

Бум! Бум! Бум! По прочному материалу. По стальной две-

ри.

Вот ё-ё-ё! Это не я говорил и не я стучал – кто-то слева. Мои глаза плавно перекочевали в нужном направлении и упёрлись взглядом в темное пальто с головой и на ногах, которое стояло, пошатываясь, пуговицами к двери, опёршись на неё обеими рукавами. Из них высовывались руки. Периодически пальто отрывало один рукав и с оттяжкой колотило своей ладонью по стальной обшивке. Я передвинул свои глазные яблоки вправо и обнаружил ещё несколько весьма железных коек, с натянутыми горизонтально пружинками. «Пионерский лагерь, что ли?» – пронеслось в голове.

– Эй, пальто, это мы где? – проскрежетал я.

Пальто неторопливо показало мне свои пуговицы – две из них отсутствовали – и визгливо ответило на мой вопрос классической рифмой. Но я не поверил:

– Не может быть, – и снова упал на подушку, скрестив на груди руки.

Это же я, Афеноген! Сегодня... сегодня? Ну да, сегодня... или вчера... я был на Дне рождения босса. Его День рождения таинственным образом совпадал с днём рождения всей его корпорации, без расставленных акцентов по приоритетности, и фактически являлся транснациональным празднеством – приглашенных сотрудников набралось человек сто, наверно, от Камчатки до Калининграда. И теперь я лежу где-то в глухом подвале Подмосковья, без окон, на пионерской койке, куда, помню, нас вывезли по Щелковскому шоссе.

Нет, вывезли нас всё-таки не в подвал, а на одну из многочисленных закрытых площадок для корпоративных мероприятий, где-то за Балашихой. Тогда причем здесь этот карцер? И это пальто, в котором болтался, по-видимому, какой-то незнакомый рифмоплёт, требующий себе адвоката.

– Пдскжите, пжалста, а мне адвокат тоже нужен? – попробовал резюмировать я свои первые ощущения.

Поэт в пальто без двух верхних пуговиц обернулся, и я почувствовал лёгкий дискомфорт от его пристального взгляда. Впрочем, дискомфорт я ещё раньше уже начал ощущать от всей этой ситуации. Взгляд, однако, оказался не то чтобы пристальным – он просто требовал фокусировки на мне. Я ответил тем же, привстав немного на койке, и навёл резкость.

Где-то я его раньше видел, причем не так давно.

– Тебе? – уточнил он, мотнув головой. – Хочешь, я буду твоим адвокатом?

И он с удвоенной энергией, не дождавшись моего согласия, заколотил в стальную дверь:

– Эй, лю-ю-ди-и! Человеку к адвокату срочно надо! А то прям в штаны... от Армани, нафиг.

События последних часов начали медленно всплывать в моей памяти, только почему-то в обратной хронологии: вот мы с ним сидим на засаленной скамейке в каком-то пропахшем разностями человеческого бытия помещении и мило общаемся с капитаном; вот едем в милицейском «бобике» на самом почетном заднем сиденье, бочком; а вот идём по

дороге, обнявшись и горланя «Кабриолет» Резника. А кабриолет тут как тут, но без Резника. «Подвезти?» – спрашивают, мы и согласились. Перед этим была бутылка шампанского прямо из горла на двоих, тоже по дороге – пенится и стреляет пузырьками в нос, зараза. До этого стрелял фейерверк. Ещё раньше были чинно накрытые столы.

А вот, собственно, как начиналось...

Встретились все на площадке перед офисным зданием на Волгоградском проспекте. Сергей Сергеевич всем прибывающим сам пожимал руки и сообщал, что автобусы заказаны к трём часам и просил не расходиться по округе. Если кто привёз подарки – дарить только по регламенту за ужином, для чего записаться у секретаря. Если кто не привёз – ну, ничего страшного, но отметить нужно было у зама по безопасности. Исключение составляли коллеги с Дальнего Востока: их с подарками сразу провожали куда-то наверх под конвоем, после чего они возвращались уже с пустыми сумками. Но довольные.

Я скромно стоял с чемоданом недалеко от курилки и наблюдал за процедурой: Афеноген был в этой компании новеньким, и мне нужно было присмотреться к коллегам.

– Ты откуда, дружище? – спросил один из приглашенных, скептически поглядывая на мой костюм с иголки. Сам он был одет, словно только вышел из поезда – джинсы и лёгкая куртка. Как, впрочем, и большинство собравшихся.

– Из-за Урала, – ответил я.

– А, понятно. Почти соседи! Я из Ставрополя, Ибрагим, – представился он, протягивая руку. – Давно с нами?

– Несколько месяцев.

– Тебе понравится! – заверил меня он и пошёл приветствовать другого своего соседа, с Сахалина.

Автобусы оказались комфортабельными. Но всё-таки не настолько, чтобы несколько часов в дороге пролетели незаметно – поясницу ломило, а глаза щипало. Только когда прокатились с ветерком по МКАДу, я с удивлением про себя подумал: «Вот она, эта магическая линия, где начинается и кончается великая страна, ну надо же! За ней теряются часовые пояса, и всё представляется ровно также, как и там, внутри». Но, даже проехав Щёлково, я почему-то не заметил никаких магнитных колебаний, заставляющих забыть про с десяток тысяч километров на восток, и продолжал ощущать разницу во времени – наверно, нужно достаточно долго прожить в Москве, чтобы регулярно звонить ночью на мой мобильник и каждый раз совершенно искренне удивляться, что мы там уже, оказывается, давно спим.

По прибытию на базу нас быстро распихали с чемоданами по номерам, дали пять минут на побриться-помыться-погладиться и затем быть во всеоружии внизу, в банкетном зале. Я поинтересовался у соседа, коллеги из Карелии, с которым мы делили этой ночью двухместный люкс:

– Что значит «быть во всеоружии», не в курсе?

Валентин с усмешкой ответил:

– Костюмированное шоу – ты информационную рассылку разве не получал?

– Нет, – удивился я, – а что это значит буквально?

– Буквально значит, что все должны напялить на себя какую-нибудь хрень, как на маскараде, и типа постараться, чтобы никто тебя не узнал.

Я невольно почесал затылок. Одеться привидением, что ли, как Карлсон? Самый подручный вариант. Но тогда придётся простынь испортить.

– А ты кем будешь?

– Не знаю ещё – внизу есть маскарадная комната, там дают костюмы в лизинг. Если ничего с собой не привёз – сходим вместе, подберём чего-нибудь.

Я с облегчением вздохнул: у простыни есть шанс остаться целой, а у меня – поспать, как человек в люксе. (Наивный!)

Через некоторое время мы спустились с ним в просторный холл, обставленный деревянной мебелью и кадушками с деревьями. В одном из прилегающих коридоров отыскивали волшебную комнату с маскарадными костюмами, где приветливый Джейсон из «Пятницы, 13» указал своим широким палашом на остатки ассортимента – оказывается, несколько десятков наших коллег уже смели всё подчистую, и нам остался выбор только из пяти прикидов: ирокез Чингачгука в наборе с луком, томагавком и кожаным стрингом; Шрек, похожий на позеленевшего от постоянного переедания мё-

да Вина Пуха; Эльф с потешными чулочками и в шортиках на лямках поверх курточки от Папы Карло; Снегурочка без комментариев и Доктор Ватсон с котелком, тростью, в длинном пальто и маске – наверно, из эпизода, когда они с Холмсом выкрадывали документы у короля шантажа. Сам Шерлок уже раскуривал трубку где-то в районе мужского туалета, как нам пояснил местный Джейсон.

Выбор был, прямо скажем, не богат. По росту – первому признаку гениальности и лидерского потенциала – Афенгену подошёл бы Крошка Енот, но в нём уже, оказывается, уползла одна из сотрудниц отдела маркетинга центрального офиса. Мне остался только Эльф, весёлый гном. Я было попробовал уговорить человека из «Пятницы» одолжить мне свою вратарскую маску с прожженным свитером, но он скептически заметил, что я и без неё нормально выгляжу, даже переоблачаться не надо. Я счёл это за комплимент и больше не вступал в торги, забрав костюм Эльфа. Валентин же долго вертел струнги Чингачгука, но в итоге счёл такое облачение не по сезону да и слегка откровенным решением для появления на Дне рождения босса, и всё-таки остановился на более консервативном Ватсоне.

К началу корпоративного мероприятия мы, понятное дело, опоздали. Но, как принято говорить в стране одного из акционеров «Зелёного света», последний – не значит худший: в огромном зале приёмов, украшенном мишурой и гирляндами, стояли, сидели, бродили и шуршали все кому не

попади: Терминатор, Терминатор-2, Верка Сердючка, Джек Воробей, Анна Австрийская, Фредди незабвенный Крюгер, Алис Купер и даже Черепаха Тартилла. У меня поначалу глаза на лоб полезли от этого избытка творческого потенциала сотрудников корпорации босса, но вдруг какой-то представитель от 38 Попугаев шутливо оттянул мою крохотную эльфовскую бороду да как щёлкнет резинкой по настоящему подбородку, что я от неожиданности подскочил на месте и прижал своим почти деревянным башмаком длинное перо из его разноцветного хвоста. Интуитивно я ожидал, что попугай взвизгнет от боли, но он только пробормотал что-то вроде «Ну, козёл, получишь ты у меня дефицитную группу» и важно прошествовал мимо. Было бы глупо, однако, кричать попугаю вдогонку «Сам козёл».

Не успел я и глазом моргнуть, как какой-то Гришка шлёпнул меня сзади чуть пониже спины и кокетливо прошептал в ухо:

– Повеселимся, красотка?

Но, встретившись со мной взглядом, Распутин быстро растворился в гудящей толпе свиты, которая окружала двигавшегося по залу монарха в шапке от Мономаха – то ли Ивана Грозного, то ли разбойника Емельки Пугачева, я со своего места не мог толком разобрать, но догадывался, кто скрывался под тяжелой парчовой мантией.

Немного освоившись, я стал отличать приезжих коллег из регионов от сотрудников центрального аппарата – последние

смелее резвились и свободнее тусовались, легко и непринужденно перекочёвывая от одной кучки к другой. Провинциалы же скромнее держались, посасывая коктейли: кто клювами, а кто и прямиком через штуцер – кому как позволяло собственное снаряжение – сдержанно наблюдая за столичной толкотнёй. Приблизившиеся откуда-то сзади две, судя по акценту, Золушки из центральной бухгалтерии критически оценивали происходящее, так что я мог уловить обрывки их светской беседы:

–... хрраашо, хрраашо, но я ж гваарю: они все прям-как-ттыыши – трмаазят по страшному, ну просто! Чво вот там встали, неужель ‘зя ближе пдааайти?

Неожиданно свет начал медленно гаснуть, а поставленный баритон из динамиков объявил:

– Господа и дамы, жулики и иже с ними, просим всех за столики!

По залу пронёсся легкий «хи-хи» в унисон с самодовольным «хо-хо», а я начал судорожно сканировать свободные места за накрытыми столами, расставленными по периметру вдоль прибранных украшениями стен. Моё внимание привлёк тип в жилетке и маске, машущий рукой за одним из столиков – это был Валентин, мой сосед по люксу, и я быстренько присоединился к его тесной компании, отдавив по дороге пару чьих-то хвостов. Впрочем, их хозяева и не заметили весёлого эльфа, громыхавшего своими башмаками вверх полосатых гетр по светлому ламинату.

Между тем под бурные овации слово предоставили виновнику торжества. Царь чинно поднялся из-за барского стола в центре свадебного «П» и начал тронную речь:

– Друзья, спасибо, что вы приехали! Сегодня у нас знаменательный день, и мы имеем уже устоявшуюся традицию собираться вот так неформально и ещё теснее сплачиваться, нарабатывать внутренние связи и строить взаимодействие. Не буду скрывать, что именно благодаря не только своему, но и вашему труду я стал состоятельным человеком, а наша компания – гарантом вашей собственной стабильности и процветания – как лично вашего, так и ваших близких...

– Вы в первый раз? – прошептала моя соседка Манька-Облигация, слегка наклонившись в мою сторону.

– Да, – утвердительно кивнул я в ответ.

– А я уже в третий, и каждый год он говорит одно и то же! – Она хихикнула.

– И одевается в одно и то же?

– В этом году впервые придумали маскарад, – пояснила также шепотом она, – в прошлые все в вечерних платьях и костюмах собирались.

– А кто придумал, эйч-аровцы?

Она усмехнулась:

– У нас придумывает только один человек. Тот маскарадный салон, думаете, кому принадлежит? Говорят, недавно только выкупил, поднимать надо.

–... самопожертвования и отказа от личных предпочтен-

ций. Поэтому за вас, дорогие друзья, успехов нам всем и процветания!

Все хлопнули по первой. Я благоразумно пригубил шампанского и обернулся к Маньке, но она уже щебетала с соседом справа – образ обязывал, а я вздохнул и приготовился слушать следующего оратора. К моему удивлению, из динамиков понеслось от конференсье:

– А теперь, ломая привычные стандарты и шаблоны, слово для поздравления старейшему и мудрейшему предоставляется наисвежайшему нашему коллеге...

Вилка с кусочком говяжьей ноги застыла на полпути к моему рту – я, конечно, знал, что буду выступать, но вот так быстро и наскоком..! Неловко поднявшись из-за стола с вилкой и бокалом недопитого шампанского, я ощутил на себе направленные взоры сотен глаз, блики вспышек и объективы телекамер – бедные-бедные звёзды экранов, через что же им приходится проходить на пути к славе и признанию! Но я мгновенно заставил себя собраться и двинулся к верхней перекладине «П». Потом передумал, вернулся, положил возле своей тарелки прихваченную ненароком вилку с коровьей ляжкой, чем вызвал одобрителный смех в зале и, достав из кармана эльфовской рубашки скромный сувенир из наших мест, бодро зашагал к своей судьбе и микрофону.

– Дорогой Сер... гм... батюшка!

Аплодисменты. Прости мя, Господи.

– Я безмерно рад, что мне выпала честь быть здесь пред-

ставленным... самым наисвежайшим образом.

Смех. Батюшка добродушно глядел на меня, поглаживая фальшивую бородёнку.

– Но ещё большая честь – быть в рядах вашей команды лидеров и победителей. Вместе мы – сила, профессионалы с большой буквы, и вам, отцу и основателю, наши поздравления и глубочайшее уважение! За вас!

Я приветственно поднял бокал с шампанским, передал через стол сувенир из малахита, вокруг послышалось «ура» моему лаконизму, но царь Сергей укоризненно покачал головой и протянул мне бокал с минералкой, все двести грамм без пузырьков. Я с благодарностью принял, залихватски его опрокинул и моментально понял, что погорячился с минералкой: пока пил, не чувствовал, а как поставил – чуть не поперхнулся; внутри обожгло, к горлу подкатил комок, на глазах выступили слёзы, а рот раздвинулся в гримасе отвращения.

– Он ещё и ржёт! – благодушно взревел Сергей Сергеевич. – Молодец, Афеноген, с крещением! Спасибо, кстати, за пезделушку.

Я быстро прошлёпал к своему месту под одобрителный гул карнавала. В желудке, на босу коровью ногу, плескались двести грамм чистейшего питьевого спирта. Как присел, Манька показалась не такой уж и облигацией, ей-Богу, а телятина приобрела ценность черной икры.

Валентин тем временем грузил своего соседа из Сибири:

– ... Какая динамика, о чем ты говоришь? Всё иллюзия! Что Москва, что Владивосток – городская инфраструктура просто не вытягивает: треть трудоспособного населения стоит половину рабочего времени в пробках, вторая треть к этим пробкам приближается на смену, а третья, высвободившись из них, с выпученными глазами стремится нагнать всё упущенное за первую половину рабочего дня! Элементарный круговорот, и возникает иллюзия динамичности процесса.

– В Иркутске узкие улицы... – вставил, было, сибиряк, но Валентин имел своё мнение:

– Я тебя умоляю, Славик! Во Владивостоке их вообще нет, поверь – только загогулины вокруг бухт и пяти отвесных холмов... Да, теперь и мост на необитаемый остров за сотню миллиардов есть, и никто не поинтересовался, на кой хрен он им именно сейчас понадобился – им бы, может, прямое сообщение от «Зелёнки» до трассы на Хабаровск было экономически целесообразнее!

– «Зелёнка» – это откуда все праворульки на Русь стартуют, – решил я хвастануть своими познаниями.

– Правильно, Афеноген, трезво мыслишь, – одобрил Ватсон.

Но в этом он, должен признать, уже заблуждался.

Постепенно ораторы слились в один торжествующий тост, завертели конкурсы на командообразование – кто дальше, кто ближе, у кого длиннее – в которых участвовали, в ос-

новном, бойкие аппаратчицы и иже с ними, и я уже начинал тоскливо вздыхать, не смея подняться на ноги, когда на сцене появился ОН, а все двинулись в круг танцевать. Я с восторгом потянул Маню за рукав:

– Это... действительно... ОН?

Немного постаревший, обрюзгший, но это был реально ОН – правда, я никак не мог вспомнить ни его имя, ни фамилию.

– Ну да, он теперь по корпоративам больше, – с готовностью пояснила соседка. – Должна была приехать ОНА, – Маня подняла глаза кверху, и я вслед за ней по инерции тоже, но ЕЁ там не увидел, – но в последний момент не договорились о сумме гонорара.

Я опустил глаза и подпёр ухо ладонью, мечтательно прошептал:

– Ну надо же, даже ОНА..!

Меня вывел из благоговейного оцепенения бодрый голос Валентина Ватсона:

– Ну что, весёлый эльф, по маленькой да за дело? Ты давай не тушуйся – здесь кто тебя танцует, тот потом и взаимодействует. Налаживай связи, лоббируй регион! Или бобылём в номере храпеть будешь?

По правде сказать, я уже готов был и бобылём в номер – ЕГО увидел, чего ещё надо? – жизнь состоялась, но Ватсон упрямо влил в меня остатки шампанского (за маму, а как же?) и потащил в колыхающуюся массу из смеси духов,

пота, алкогольного выхлопа и кое-где пыхающих папирос. Я ещё подумал: «Мода на папирсы опять, что ли?», а одна из Летучих Мышей, что стаями порхали в округе, попробовала сунуть мне её прямо в бороду – хорошо, хоть гильзой, а не огоньком.

– «Герцеговина Флор»? – поинтересовался я: ну, не мог же это быть «Беломор».

– Оффенбах, твою мать! – и она, пожав плечами, прошелестела дальше.

Тут, в гуще событий, командообразование действительно складывалось полным ходом: не нужно было даже напрягаться – меня подпёрли с трёх сторон и начали двигать в такт неувыдающим хитам, мне нужно было лишь упираться в свободную сторону, чтобы не вылететь из ритма. Напротив высокий Ватсон, пристроившись сзади, лоббировал свой регион с худенькой Анной Австрийской (судя по подвескам из макарон, это была именно она), а рядом Фредди Крюгер уже начинал вполне серьёзно взаимодействовать с Мальвиной, сбросив на пол неудобную в сложившейся ситуации перчатку с пластиковыми ножичками. Мне же, после своего тоста и телятины с шампанским, приспичило до подушки.

Но праздник только, оказывается, начинался. Лишь я из него как-то незаметно для себя выпал.

– Афеноген, ты живой? – донёсся до меня приглушённый голос.

Я открыл глаза и увидел перед собой снова то же пальто. На этот раз на нём не хватало ещё одной пуговицы.

– Ты уже третьего адвоката посетил, что ли? – спросил я. В голове немного прояснилось со времени последнего своего пришествия. Присмотревшись, я обнаружил на лице Ватсона свежий фингал – он был всё ещё красным, и очертания глаза просматривались, но, подумалось, это ненадолго.

– Надо выбираться отсюда, – ответил Валентин, присаживаясь на край моей кровати. Общение с защитником вроде просветлило ему голову.

– Начнём с того, где мы вообще?

– Ты не помнишь ничего, что ли? А, у тебя ж крещение было! То-то я думаю, с чего ты так разошёлся.

Я поёжился.

– Как так – «разошёлся»?

– Ты был признан «Мачо года» – не помнишь?

– Не помню, – я был искренне заинтригован.

– Конкурс был – кто больше всех соберёт поцелуев. Вот ты и отличился: живого места на тебе не было... Ну, в смысле, весь в помаде. Как посчитали – ахнули. На десяток переплюнул «безопасника», а его уже, говорят, лет пять никто не может обойти.

– А, ну вот и навёл контакты в центральном офисе.

Для самоуспокоения я оттянул резинку на своих шортах и заглянул внутрь – всё было на месте и в самом благопристойном виде.

– Но на кой тебя потянуло за «Отаром», понять не могу.

– А кто это?

– Любимый коньяк босса! По-твоему, с чего мы тут?

– Где?

– В «мочалке»! Тебе приспичило налить Сергеичу полный фужер «Отара» и заставить выпить до дна за здоровье чьей-то матери. Не мог водки ему налить, что ли? Тоже мне, гордыня...

– И что..?

– И то – попёрся искать «Отар» посреди ночи. Я за тобой.

– С шампанским?

– Ну, прихватил по ходу... Сам толком не помню, как мы за ограду выползли, но там, видать, ребята уже дежурили – местные, знают уже, кто да в какое время.

– С кабриолетом?

– А то! В общем, я провёл тут уже предварительно переговоры, – он бессознательно коснулся правого глаза и поморщился, – с нас по «штуке», и всё забыто – доставят обратно в самом лучше виде, без «мигалки». На BMW. Без протокола.

– Рублей?– с надеждой спросил я.

– Ну ты, брат, совсем... Это ж Европа!

– А «Отар»... в цену не входит?

– Ага, входит – поди вон постучи и попроси себе коньячку через адвоката: сразу пробьют по кассе и оформят копию чека.

Я вздохнул:

– У меня нет с собой столько денег.

Он тоже вздохнул:

– У меня тоже. Но всё предусмотрено: у них тут рядом банкомат. Карточка-то у тебя с собой? Они говорят, за последние три года, по статистике, на сотню их клиентов, которые *оттуда*, только у двоих не оказывается с собой карточки.

– Да-а, против статистики не попрёшь. А если откажемся?

– Да ерунда, – пожал он плечами, – способ доставки только изменится: вместо BMW – «бобик» с мигалкой, и прямиком к парадному входу, на глаза всей честной компании и главного массовика-затейника, типа «среди шумного бала, случайно...» Такси тут дорогое у них, сам понимаешь.

– По закону о защите прав потребителей это можно квалифицировать как навязанная услуга.

– Точно. Только нам от этого она дешевле не обойдётся. Да и прејскурант у них отсутствует.

– Ну, а что, ты представь, Валентин: народ там всю взаимодѣствует, а тут мы, на «бобике» с мигалками влетаем – оппа! – Ватсон под руку с Эльфом, командообразование с местным гестапо, и всё такое... Да кому там до нас дело будет? Повеселимся!

Он печально посмотрел на меня и сказал:

– Ты действительно веришь, что здесь это прокатывает? Ну, ты весёлый, гном... Это ж двадцать первый век, теперь всё по закону: применительно к нам – нарушение обществен-

ного порядка. Вон в соседних апартаментах двое понятых колбасят свой срок, дежурные.

Я попробовал и так, и эдак провернуть в голове ситуацию, но натруженный за последние часы мозг ничего путного не выдавал. Наконец, я сдался:

– Ладно, зови адвоката.

– Нет, теперь твоя очередь.

– Валентин, ты уже знаком с ними, а мне... к чему? – я снял очки и потёр уставшие глаза.

Он нехотя поднялся, подошёл к заветной двери и легонько постучал в неё. Она, на удивление, тут же отворилась, и Валентин, о чём-то переговорив с мутной тенью снаружи, махнул мне рукой, приглашая на выход. Взаимопонимание было достигнуто моментально – не в этом ли смысл вечной гармонии?

Я встал с койки, аккуратно сложил тоненькое одеяльце вчетверо, почувствовав ностальгию по своему пионерскому детству. Окинув взглядом интерьер, я заметил смятый комочек светлой пряжи на тонкой резинке у изголовья и, нагнувшись, поднял реквизит и водрузил его на свой подбородок. Поплёлся на выход – труба зовёт.

Время снимать карнавальные маски ещё не пришло.

Эпизод 2

АФЕНОГЕН

...Прямым следствием этих радостных занятий стало исчезновение запоров: после более чем десяти лет мой кишечник снова работал отлично. Я с удовольствием ощущала, что, наконец, приношу пользу.

Карла ван Рэй, «Божья девушка по вызову»

Светлана Петровна стала захаживать ко мне почти сразу, как нам выделили офис на втором этаже здания, в котором она царствовала в качестве завхоза. На её визитке было скромно начертано «Менеджер по эксплуатации основных средств», и она в первый же день нашего знакомства совершенно ненавязчиво, как, вероятно, ей самой казалось, оставила её у меня на столе, поверх клавиатуры компьютера – не то чтобы я нуждался в напоминании, что её кабинет рядом с моим, и телефоны у нас параллельные, а так, исключительно из чувства поддержания деловой этики. На вид ей было лет 49, и когда она, стоя перед зеркалом в общем фойе, динамично втягивала в себя всё то, что абсолютно бессмысленно громоздилось выше пояса, то можно было бы сказать даже, что ей 47, не больше.

Помещение, в котором расположился персонал «Зеленого света», выглядело весьма просторным – в нём не было ни одного стула и ни одной пепельницы. Персонал слонялся по этим площадям, заглядывая в кабинет директора, встроенном в эти 80 квадратных метров, изобретая способ поскорее выбить из акционеров несколько стартовых тысяч рублей

для приобретения техники и мебели. У директора был стол, кресло и ПК, и я был этим весьма доволен, как, впрочем, и весь персонал: «Зеленый свет» на тот момент состоял только из меня. После очередного экономического потрясения, когда здравомыслящее Правительство стало в очередной раз активно поддерживать трупный запах отечественного автопрома и сохранять бедненькие российские банки, один из них меня благополучно выкинул на улицу, и после полугода скитаний по кадровым агентствам и интернету в поисках достойной, по моим меркам, работы, я, наконец, обрёл проект, который мог перевернуть мою жизнь, внести смысл в региональное развитие и обеспечить мою семью ежегодным отпуском на экзотических островах – так я мечтал, прерывая время от времени свои маркетинговые исследования рынка складского оборудования и техники, слоняясь по пустому офису.

– Афеноген Ильич! – с порога обратилась Светлана Петровна.

– Я! – бодро ответил Афеноген, оборачиваясь на звук её голоса. Я никогда не служил в армии, поэтому мне доставляло удовольствие подражать манерам бывалых. Впрочем, не комплексую – посудите сами: с таким именем в вооруженные силы тогда уже не брали. И даже не привлекали, уверяю.

– Я получила подтверждение из Москвы – вам разрешили меблировать офис за счет арендодателя.

Вот оно, свершилось – этот офис будет всё же меблиро-

ван! Если учесть, что его владелец и акционеры «Зелёного света» – одно и то же физическое лицо, то, перекладывая из одного кармана в другой то, что всё равно не приносит никакого дохода – «Зелёный свет» на этаже был единственным арендатором – можно согласиться, что решение было принято весьма оперативно.

– Поздравляю вас, Светлана Петровна!

Она замешкалась.

– Почему, собственно... поздравляю?

– Я рад, что мы сможем теперь развернуть с вами бурную деятельность по мебелировке этого офиса.

– Вот уж кстати. Из соседнего кабинета выехали интернетчики – их мебель вам и пойдёт сюда.

– Отчего они её не забрали с собой? – поинтересовался я.

– За долги по аренде оставили. Их перестали финансировать с прошлого месяца, вот и съехали – всё побросали, даже цветы в горшках. А вам сколько и чего нужно-то?

– Для начала четыре комплекта рабочих мест. С боссом уже согласовано.

Босс у нас был один и тот же. Я был просто директором, а Светлана Петровна – просто менеджером по эксплуатации мебели интернетчиков, и прочей то же.

– Когда ж вы успели согласовать? – удивилась она. Наверно, это было реальное удивление: босс, оказывается, общается не только с ней, но и с директорами своих предприятий.

– Да вот, звоню ему вчера, говорю: «Сергеич, мне нужен

менеджер, и рабочее место для него». А он мне в ответ: «Ты что, Афеноген, с одним менеджером не потянешь, давай сразу четверых». Так вот и согласовали. Вместе с окладами и премиальными для них, тут же.

Светлана Петровна была шокирована таким моим прямым доступом к Сергею Сергеевичу. Честно говоря, я не знал тогда, что чувство юмора в должностных обязанностях менеджера по эксплуатации основных средств не было прописано.

– Какой оклад-то у менеджера?– невинно поинтересовалась она.

– Сотня, от выработки, – не моргнув глазом, ответил я.

Она окинула меня оценивающим взглядом: если у менеджеров сотня, то у меня, должно быть, как минимум две. Мой голубой галстук к белой в синюю полоску сорочке под черным – чистая шерсть – пиджаком, в её понимании, мог и потянуть на пару сотен в месяц. Стоптаные на пятках туфли, закаленные в поисках достойной работы, я благоразумно прикрывал приспущенными брюками, так что ремень порой болтался ниже пупка, что, впрочем, не было заметно, если застегивать пиджак на все пуговицы.

– Да ладно вам!– вдруг засмеялась она. «Неужели туфли разглядела?»– с ужасом пронеслось у меня в голове. – Небось, полторы сотни!

«Дождёшься от него хотя бы полсотни для себя», – подумал я, и с улыбкой прошептал:

– Только я вам ничего не говорил, любезная Светлана Петровна – это коммерческая тайна.

И так мы стали осваивать чужую мебель. Столы и тумбы оказались в весьма приличном состоянии – светлая полировка, минимум надписей нестираемым маркером на вполне приличном русском, даже шкафы для папок сохранили дырочки для штапиков, на которых устанавливаются полки. Сами полки и штапики, по всей видимости, оптимизировались в период кризиса – либо оказались абсолютно не приспособленными к новым условиям, либо изготовлены были из чистого золота, а иначе куда на Руси всё девается? Жалюзи, правда, были несколько коротковаты – в соседнем кабинете, откуда они также перекочевали, пластиковые окна получились несколько иных размеров, чем были в моём, хотя с улицы смотрелись вполне одинаково – что пластиковые, что некрашенные хрущевские.

Каждый день Светлана Петровна выделяла мне один комплект мебели для рабочего места и посылала двух парней для их транспортировки. При этом говорила:

– Сложно с людьми у нас, Афеноген Ильич. Ребята заняты на складах, никого и не снимешь с работы.

Я верил. Ребята были скромные, неприхотливые – они дышали друг на друга, пока столы таскали, и тем и похмелялись, а мне после работы страшно было за руль садиться – вдруг остановят и проверят на алкоголь? Волшебная трубочка точно показала бы обратный выхлоп трудовых будней.

На третий день, ближе к обеду, когда ребята уже похмелились и третий комплект благополучно стоял на своём месте, в офис вошли две Светланы Петровны. Я оторопел. Всё, думаю, пора завязывать с мебелировкой. Она, видимо, уловила моё замешательство по отвисшей челюсти и, пока я её притворял, с гордостью произнесла:

– Это моя дочь, Светлана!

Я ещё больше погрузился в произвольный транс и прошептал с благоговейным ужасом:

– Петровна?

Светлана Петровна – настоящая, судя по всему – со смехом ответила:

– Нет, моего мужа зовут Геннадий, и это – Светлана Геннадьевна. Все удивляются, как это мы назвали дочь в честь матери, обычно же детей в честь отцов... Но мой Гена решил, что ему меня одной мало, и Светлана стала счастливым дополнением.

Я, наконец, пришёл в себя и пробормотал:

– Счастливый Гена. Он тоже там, за дверью?

Она не поняла, почему Гена должен быть за дверью. Потом спохватилась и пояснила:

– Нет, Гена у нас здесь не работает, он монтажник сотовых станций. А Светлана менеджер, тут на третьем этаже в фирме пластиковых окон.

– А! – понял я. – Это они окна вставляли соседям? Хотя... не важно. Рад с вами познакомиться, Светлана Геннадьевна.

– Можно просто Света, – сказала Светлана Геннадьевна и огляделась по сторонам.

Тут я начал их различать: голос у второй Светы был хоть и похожим на голос первой, но всё же отличался тембром.

– Вы наверняка встречались в коридорах, – констатировала Светлана Петровна.

«Так кто возле зеркала в фойе стоял: та, что на 47 или та, что на 49?» – подумалось мне. Впрочем, это было неважно. Тем временем Светлана Петровна протянула мне полотно неизвестного мастера в скромной рамке, которое до этого держала за спиной – размером оно оказалось примерно метр на полтора, и неудивительно, что я не заметил у неё в руках это творение сразу.

– Вот, отыскала в наших закромах – за вашим креслом оно будет смотреться очень даже ничего, как раз закроет дырки от дюбелей.

Я принял картину, повернул её к свету. На ней был изображен пейзаж – перекатное поле с маками и несколько деревьев на заднем плане, окружавшие невысокий домишко. Женщина с маленькой девочкой брели по высокой желтеющей траве.

– Это Моне? – с улыбкой поинтересовался я.

– Да, вам, – утвердительно кивнула она и добавила: – Но это реквизит, внизу инвентарный номер!

Действительно, вместо подписи Клода Моне в левом нижнем углу размашисто были выведены циферки инвентарки.

– Спасибо.

– Я пришлю Гошу, он повесит.

– Нет-нет, не надо, я сам! – быстро спохватился я: сегодняшнюю дозу мебелировки я уже получил, до вечера хватит.

Я занес картину в свой офис и прислонил её к стене, возле стола. Светлана Петровна проществовала за мной, а за ней следом – Светлана Геннадьевна.

– Чем заняты, подбираете себе менеджеров? – спросила Петровна.

До их прихода я занимался мониторингом цен на паллетные стеллажи в соседнем районе, сравнивал цены основных поставщиков, сопоставлял результаты проведенных закупочных тендеров за последние 3 года, а вакансия менеджера-консультанта, размещенная на одном из интернет-порталов, спокойно вялилась в ожидании резюме кандидатов.

– Да, и этим тоже, – утвердительно кивнул я головой, проходя за свой стол. Светланы явно не спешили завершать визит.

– Светочка хотела бы у вас работать, – неожиданно заявила Петровна.

Я приподнял брови, и мои очки плавно спустились по переносице к кончику носа.

– Э-э... я понял, что она уже работает на третьем этаже?

– Да, работаю, но там зарплата низкая, и я уже давно собиралась найти что-нибудь более интересное, – вступила в разговор Геннадьевна.

– Понятно, – коротко резюмировал я, – понятно.

– Афеноген Ильич, я очень добросовестный работник, правда!

– Я не сомневаюсь, Светлана. Мне от вас нужно резюме – есть готовое? Скиньте на мой электронный адрес, и мы включим вас в конкурс.

Светлана Петровна добавила:

– Конечно, конечно, мы делаем резюме, вы делаете конкурс – всё, как у людей.

На следующий день четвертый комплект мебели с самого утра гармонично завершил интерьер офиса, а портреты Президента и Премьер-министра скромно стояли в уголку, ожидая повешения на почетном месте. Закрома Светланы Петровны, вероятно, были неиссякаемы. Я даже стал опасаться, что офис превратится в картинную галерею, если не принять быстрого решения по кандидатуре Светланы Геннадьевны. Разумеется, положительного.

Её резюме действительно пришло на мой адрес в тот же день. Ей оказалось 27 лет, не замужем, детей нет, образование средне-специальное – парикмахерское, опыт работы тоже оставлял желать лучшего: Светлана Геннадьевна, по всей видимости, не ставила перед собой амбиций ни в образовании, ни в достижении каких-то профессиональных результатов. В моей копилке уже было шесть, куда более интересных и подходящих под наши требования, кандидатов, с опытом работы в крупных производственных компаниях. Мыс-

ленно я реально видел всех своих сотрудников на рабочих местах – кто, как и чем занимается, но образ дочери завхоза совсем не вписывался в эту идиллию, как я не старался его туда запихнуть. А после предварительного с ней собеседования он и вовсе стал упрямо выскакивать за рамки функциональной структуры фирмы. Я всегда стараюсь мыслить открыто и давать шанс как себе, так и другим, но когда дело очевидно безнадежное, и результат деятельности безапелляционно предсказуем, то шансов – увы – никаких. Оставалось только сообщить об этом обеим Светам, всего делов-то. У меня даже появился план, как ситуацию разрешить мягко и непринужденно.

Сказать напрямую, что вы не проходите по конкурсу – наверно, было бы прозрачнее, но есть категория людей, которые не воспринимают такую прозрачность и возвращаются в созданном по своим понятиям мире. Желаете сохранить правила – извольте, от меня не убудет, а вам урок.

Когда менеджер по эксплуатации моего офиса зашла ко мне и вопросительно подняла брови, предварительно окинув удовлетворенным взором весь интерьер – в цветах и лидерах государства, я в замешательстве пробормотал:

– Как здоровье? – и про себя добавил: «Переезжаете в Сочи?»

Светлана Петровна никогда не чувствовала замешательства:

– Плохо. Давление. Сейчас лекарства дорогие. Думаю, мо-

жет, и для меня у вас должность припасена? С такой получкой я бы подлечилась.

Я постарался перевести всё в шутку:

– Получек теперь нет, только заработки. Кстати, на какой уровень ориентирована ваша дочь, я что-то раньше не уточнил?

Она взглянула на меня с подозрением.

– Вы ж сами сказали – сотня.

Я утвердительно кивнул головой:

– Да, здесь у нас стартовая – сотня. Сами понимаете – пока раскрутимся, пока рынок освоим...

Она кивала головой, явно впечатленная нашим размахом.

– Но ваша дочь на третьем этаже имеет их целых три в месяц, если не ошибаюсь.

– Каких три, Афеноген Ильич? – возмутилась Светлана Петровна. – Десятка-то не всегда выходит.

Я сделал недоуменное лицо, переходя к своему плану:

– Погодите, вы в какой валюте рассчитываете?

– Что значит «в какой валюте»? Вы ж сами говорили – сотня в месяц.

– Ну да, сто долларов стартовые – это у нас по штатному расписанию, Сергей Сергеевич лично утвердил. В «белую» все, уверяю. Когда выйдем на линию безубыточности...

– Сто дол-ла-ров? – не поверила своим ушам Светлана Петровна.

– Американских, – осторожно уточнил я.

– Американских! – эхом повторила она. – Американских, твою афеногенову...

То, что последовало далее, оказывается, ещё Шекспир популярно изложил в монологе Гамлета «Быть или не быть», и я долго потом удивлялся, как это старик смог предвидеть на несколько сотен лет вперёд тончайшие душевные переживания и муки завхоза Промоптбазы, и как ей самой удалось воссоздать неувядаемый отрывок с такой точностью в передаче внутреннего смысла и содержания. Своими словами, конечно – услышанного мною текста у Шекспира не было, даже в оригинале.

Как сквозь пелену видел Светлану Петровну, вылетающую из моего офиса, в котором уютно расположилась пальма, заботливо свесившая свои лохматые стебли над моей головой. «Вашингтония», – подумал я отрешенно. Вибрацию от последнего аккорда монолога довершил оглушительный «буммм!» захлопнувшейся двери. Я зажмурил глаза, ожидая, что сзади на меня обрушится полотно с маками и домиком среди деревьев, но это же не Голливуд – никаких визуальных эффектов! – и дюбель в стене был российский, калёный.

Впрочем, висела она всё равно недолго. Через неделю на третий этаж заехали новые арендаторы, настоящие, не от Сергея Сергеевича. Светлане Петровне понадобились ресурсы: свои закрома она существенно потрепала за время своих маркетинговых исследований «Зеленого света». Ну да вре-

мя разбрасывать камни, а время их собирать. К тому моменту, когда картинная галерея в моём офисе существенно поредела, а зимний сад перестал раздражать своей неуместностью, все четыре рабочих места были заняты, все четверо ребят вполне вписывались в рамки моего бизнес-плана, а «Вашингтония» по-прежнему стояла в углу позади моего кресла.

Она была моей, личной, как и вся ответственность за персонал «Зелёного света».

Эпизод 3

ФАКТОРИНГ ПО-РУССКИ

Матом кроют генералы, матом кроют продавцы,

Матом кроют прокуроры и родные отцы.

Все – как будто бы святые, а приди к любому в дом:

Через каждые два слова каждый ложит матюгом.

Ю.Клинских, «Русский мат»

Сергей Сергеевич только что прилетел из Москвы, а уже бодрым шагом направлялся к моему скромному офису по длинному узкому коридору второго этажа принадлежавшего

ему здания. Рядом с ним шелестел на мягких подошвах иноземный партнер. Я шел следом, тоже стараясь выглядеть бодро. За мной семенила вездесущая Светлана Петровна, поясняя на ходу все те изменения по хозяйственной части, которые произошли в империи босса с момента его последнего налёта в наш уютный ухоженный город.

– Так, вы мне скажите, Светлана, офис «Зеленого света» готов к эксплуатации?

– Да, конечно, Сергей Сергеевич – полностью меблирован. Афеноген Ильич сам закупал технику под рабочие места.

Я подтвердил: большое дело – закупить четыре компьютера и один сетевой многофункциональный принтер! Как обычно, мне предложили дежурный снабженческий «откат» в каждой из торгующих фирм, но мараться за два процента Афеноген не стал: я дождался, когда «Л-брус» поднимет ставку до четырёх и с чувством собственного достоинства предложил им засунуть эти проценты именно туда, откуда они, судя по их размеру, выродились; причем повернуть их таким образом, чтобы они растопырились в узком проходе веером – для общей эстетики, так сказать. В итоге сошлись на пяти. Причем в виде официальной скидки, отраженной в накладных документах. В глазах консультанта «Л-бруса» я прочитал однозначное «Вот придурок!», а в своих попытался выразить надменное «Не учите меня эндээсу», при этом мы мило разошлись, пожав друг другу руки.

– Эта дверь? – спросил босс, указывая на офис «Зеленого света».

– Так точно, – сказал я.

– Pitdes? – с улыбкой уточнил партнер.

Босс захохотал и открыл дверь.

– Ага, пришли, – с запозданием подтвердила завхоз, чтобы поддержать иностранца. Тот оценил:

– Да, prishly nahuy.

Восемьдесят квадратов – все они на вид казались на месте. За двумя столами склонились над выпиской менеджеры, Вера и Ольга, тут же с ними находились клиенты, другие два стола пустовали – наши «региональщики» были на выезде. На стенах кое-где ещё оставались не до конца экспроприированные завхозом репродукции известных мастеров, и выглядели они, должен признать, весьма неплохо, прикрывая отодравшиеся местами обои – впрочем, как и цветы в горшках на тумбочках по периметру помещения.

– Vlia-at! – сделал комплимент иноземец, обводя взглядом офис.

Сергей Сергеевич усмехнулся, подошёл к двери моего внутреннего кабинета, распахнул её и – прямиком к моему креслу. Уселся под пальмой, раскинул руки по обеим сторонам клавиатуры и, наверно, почувствовал себя хозяином:

– Ну, Афеноген, нормально ты тут устроился, а?

– Да, вполне, – сдержанно ответил я.

– «Вполне!», – передразнил меня босс. – Нормально! Лю-

дям вон в стране в захезанных конурах приходится сидеть, а у тебя – офис, сотрудницы, бизнес!

Мы присели на стулья за приставным столиком для совещаний. Светлана Петровна тоже хотела примоститься рядом, но Сергей Сергеевич распорядился:

– Светлана, спасибо вам за... компанию, я позже к вам загляну – сейчас тут потолкуем вначале с товарищами. Мы по-английски будем, вы всё равно ни хрена не понимаете.

Потом обернулся ко мне:

– Чай кто делает?

И к партнеру:

– Чай будешь? Или кофе?

Тот понял и кивнул:

– Coffee is блиат!

Я, наконец, догадался, чем в самолёте развлекался босс, и какой исконный русский эквивалент он подобрал под английские «ok», «fine», «good», «just» и, вероятно, сотню других малозначащих эпитетов, которые ёмко уместились в нашем универсальном междометии.

– У меня нет личной помощницы, Сергей Сергеевич, – ответил я на его вопрос. – Вера с Ольгой сейчас заняты с клиентами...

– Светлана, организуйте нам чайку и кофе для партнера, окей? – перебил меня босс, и мне показалось, что моя карьера в «Зелёном свете» начинает мигать жёлтым.

Завхоз кивнула и вышла. Мы перешли на английский.

– Господа, познакомьтесь – это Афеноген, директор местного отделения моей корпорации. . .

– Афина. . .? – не понял иностранец.

– Да, Гена из Афин, – подтвердил я, – просто «Афен» тоже сойдёт.

– Вы действительно из Афин? – искренне порадовался за меня он.

– Вот там бывать не приходилось, – вздохнул я, а он сочувственно покачал головой: ну надо же, эти русские со своей ортодоксальной родословной!

– . . . и господин Макфаккен Скотт, который является соучредителем этого направления.

– Ага, скот, понял. . . факин, – пробормотал я, делая пометки в своём блокноте. Мак увидел мои каракули и достал визитку, на которой его имя было совсем не похоже на выведенное мною «muk fuckin scut» – на салагу-то уж он точно не тянул. Жёлтый замигал сильнее – но как босс говорил, я так и писал, какие ко мне претензии?

– Афеноген, будешь умничать – останемся без инвестиций, – опять перешёл на русский босс.

– Да я без задних мыслей, – попытался я оправдаться.

– Вот-вот, будет тебе потом задний факторинг без мыла, – пообещал он.

Мак, скорее всего, уловил интернациональные выражения из наших замечаний, потому что согласно кивнул – в России он, судя по его уверенному «питдес» у двери, ещё недавно,

но в какой факторинг здесь уходят все инвестиции, уже, поди, догадывался.

– Окей, познакомились, теперь к делу! Мак, ты уже видел наш склад – полторы тысячи метров на первые два года вполне приемлемы и отвечают требованиям по бизнес-плану...

Босс резюмировал всё увиденное за это утро Маком, чтобы и я был в теме – офис «Зелёного света» оказался последним пунктом в экскурсии нашего зарубежного партнера. Оставалось подбить некоторые цифры по стартовым инвестициям, утвердить бюджет, и можно было смело получать очередной транш. Обсуждение размера моих бонусов с реальных продаж решено было перенести «на потом».

Через полчаса Сергей Сергеевич вспомнил про чай:

– А где Светлана, я не понял?

Я постучал кулаком в стену – до телефона нужно было тянуться через весь хозяйский стол, поэтому так было быстрее и проще. Через секунду он зазвонил сам, и босс поднял трубку. Мак, по-видимому, оценил уровень наших коммуникаций, сделав какую-то пометку в своём ежедневнике.

– Светлана, куда пропали с чаем? Как – «ждёте», у себя, что ли? Я слышу, что за стенкой... стол накрыли..? Ясно, – он положил трубку, – совсем с ума сошла – стол накрыла у себя в кабинете! У нас обед на два часа заказан в «Реженте», а она стол накрыла... я чай просил – ну, чего, казалось бы, проще? Э-эх, матушка-Расея. Ладно, пойдём!

– Ладно-давай? – спросил Мак, распознав знакомые по-

ЗЫВНЫЕ.

– Ага, за стенкой наливают.

Мы встали вслед за Сергеем Сергеевичем.

– Афен, вы выпиваете в офисе? – с улыбкой поинтересовался коварный иностранец, пропуская меня вперёд к двери. – A couple shots at lunch? Я слышал, в российской провинции это обычное дело.

– Нет, у нас это не принято, – ответил я: идея босса про растопыренный веером инвестмент в узком ненамышленном проходе в форме обычного делового факторинга, как я её понимал, была всё ещё свежа в моей памяти. Хотя я также догадывался, что к сотрудничеству с банками это не имеет прямого отношения.

– Vliat! – удовлетворённо произнес Скотт.

– Фффак, – с не меньшим удовольствием процедил я и невинно улыбнулся.

Он удивлено поднял брови:

– Простите..?

Я тоже как бы в замешательстве ответил:

– Это примерно одно и то же, разве нет?

Мак покачал головой:

– Мы не употребляем слово на «ф» в приличном обществе, поэтому странно от вас его слышать. Это всё Голливуд, наверно.

– А, миль пардон тогда! Дело в том, что и мы не употребляем слово на «б» в приличном обществе, и уж как странно

его было слышать от вас Светлане Петровне.

Мак с удивлением переспросил:

– Вы уверены? Серж меня заверил, что это нормальное общепринятое выражение.

Весельчак Серж между тем уверенно шагал впереди, не оборачиваясь и растворяя по пути двери. Я подумал, что у Скотта была, наверно, вполне нормальная человеческая реакция на мою ненормативную лексику: я не встречал ни одного приличного иностранца, который бы ржал, как конь, когда бы кто-то из-за бугра начал материться на его родном языке.

– Вы, наверно, не так расслышали. А слово на «п» правильнее звучит «пришли» или «приехали» – в данном контексте.

– А «питдес» нельзя?

Я пожал плечами:

– С Сержем можно. Наверно, вам он доверяет, как хорошему деловому партнеру. Но если сказать так про его бизнес – думаю, он обидится.

– Я понимаю. Спасибо, – серьёзно сказал Мак, а «Зелёный свет» снова забрезжил на моём горизонте.

Босс вошёл в кабинет Светланы Петровны и в замешательстве остановился, определяя, где хозяйское место: посреди офиса стоял стол, на котором председательствовал слегка замусоленный поттер, несколько чашек с блюдами, наспех приготовленные канапе и ваза с печеньем. Недолго раздумы-

вая, как и подобает предводителю, Сергей Сергеевич прошествовал мимо него и уселся за компьютерный столик, показавшийся ему, вероятно, более подходящим в этой обстановке для своего статуса. Он привычно раскинул руки по обеим сторонам клавиатуры и уставился в монитор, на котором, судя по его изменившемуся выражению лица, застыла недоделанная «косынка». Светлана Петровна, увидев в дверях меня, скосила глаза на шкаф с папками, где, как я знал, всегда хранился у неё дежурный штофик, и вопросительно подняла брови. В ответ я изобразил на лице возможные последствия делового факторинга, и настолько убедительно, что она благодарно моргнула мне в ответ, удовлетворённо сложив руки на животе. Все наши прошлые обиды, если они и имели место, теперь были забыты.

Рядом стояла её дочь, приветливо улыбаясь. Я с ней уже виделся в тот день, поэтому не поздоровался, а босс не здоровался в офисе вообще никогда и ни с кем.

Макфаккен замер на пороге.

Мы-то привыкли к семейному подряду завхоза, чья дочь работала на третьем этаже, а наш партнер Светлану Геннадьевну рядом со Светланой Петровной лицезрел впервые – они были похожи друг на друга не только именами, но и как два чистых бланка ТОРГ-12, и стоя рядышком, наводили транс на порядочного с виду иностранца. Видя, что мы с Сержем воспринимаем происходящее как результат присутствия только одной Светланы, и не знакомим его ещё с кем-

то из возможно присутствующих в этом замкнутом пространстве, он решил выйти из положения, произнеся обычное в таких случаях воздушное «хай», на что Светланы в ответ в унисон тоже ответили «хай» с тяжёлым китайским придыханием, после чего посмотрели друг на друга и одновременно произнесли, словно глядя в зеркало:

– My name is Svetlana!

Я догадывался, что мать просто поддерживала морально дочь в незнакомой обстановке с использованием давно забытых школьных упражнений в английском – обычное дело у нас в таких случаях, но Мак-то об этом вряд ли догадывался. Он, избегая встречаться взглядом с кем-то из Светлан, неторопливо опустился на ближайший стул и достал платок из кармана пиджака.

– Серж? – наконец, вымолвил он, вытирая проступившую испарину со лба. – Мы в самолёте из Москвы чего-нибудь выпивали?

Босс удивился:

– Нет. Появилось желание?

– Нет-нет, – заторопился опровергнуть это предположение Мак, – кофе было бы замечательно...

Я решил придти ему на помощь:

– Это Светлана, дочь Светланы Петровны, менеджера по эксплуатации основных средств Промоптбазы, где мы арендуем офис и склад.

– О..! – благодарно произнёс он. – Рад встрече, Светлана.

Мик протянул ей руку для пожатия, и Светлана Геннадьевна с готовностью вложила в неё бутерброд с маслом и докторской колбасой – чем богаты, что называется. Светлана Петровна тем временем суетилась рядом с боссом, а я скромно налил себе кипяточку и, не размешивая, потягивал его стоя, как того и требовали правила этикета на официальном фуршете, по моим представлениям.

В дверь просунулась голова бойкой хохотушки Ольги:

– Извините! Афеноген Ильич, ваша подпись нужна...

– Стоять! – почему-то шепотом выпалил Сергей Сергеевич, по-прежнему пристально глядя в монитор. – Ты кто?

– Конь в па... – Ольга запросто бы закончила фразу со всей своей провинциальной непосредственностью и скромной улыбкой, если б не мой выразительный кашель.

– Рябоконец Ольга, менеджер по оптовой выписке, – сказал я, хотя прекрасно помнил, что Рябоконец у нас числился водитель-экспедитор.

Сергей Сергеевич оценивающе посмотрел на девушку.

– Хорошо. Ну, ты иди, Афеноген, мы уже сами тут...

Фуршет для меня закончился, а в «Режент» не пригласили. Если бы за мной зашла вместо Ольги Вера, наш признанный специалист по работе с клиентами, то «Режент» наверняка мог бы рассчитывать на более солидный обед. Я распрощался с акционерами и вышел. У двери меня поджидала Ольга.

– Это ОН? – с благоговением прошептала она.

– Кто, конь в пальто?

– Ой, мне так неудобно... – она хихикнула, прикрыв рот ладонью. – А тот, второй – неужели настоящий Скотт?

– Ещё какой! А вы откуда про него знаете?

– Снимала копию с учредительных документов в бухгалтерии для тендера. Кстати, звонили из нашего банка – предлагают сотрудничество на условиях факторинга. Коммерческое предложение на вашу почту отправили. Нам это интересно? Я на всякий случай ответила, что мы рассмотрим их предложение, и вы свяжитесь с ними. Но, если факторинг – это то, что я думаю...

– Ясно. Я тоже об этом думаю, только с другого боку.

Ольга посмотрела на меня с сомнением: до этого я всегда производил впечатление вполне приличного Афеногена, или это докторская колбаса так подействовала?

– Идите, Ольга, к клиенту. По дороге поинтересуйтесь у Веры, что такое факторинг.

Я прошёл в свой кабинет и занялся бюджетом. Через некоторое время Ольга вновь была на пороге.

– Афеноген Ильич, факинг – это совсем не то, что вы подумали, оказывается!

Мои очки привычным маршрутом проследовали к кончику носа.

– Да-а?

– Да!

И с этим категоричным заявлением она исчезла из моего

офиса. Я не успел ей напомнить, что речь шла вроде о факторинге.

Через стенку я слышал приглушенные мужские голоса клиентов и сдержанную отповедь Ольги, хихиканье Веры, и подумал, что мой менеджер, вероятно, решила проявить инициативу и поинтересовалась о значении термина не у своей коллеги, как я ей рекомендовал, и по дороге что-то перепутала с произношением. Я уже засомневался: может, это я в чем-то ошибаюсь – после всех сегодняшних встреч и переговоров?

Я открыл свою почту и нашёл присланную из банка оферту. Прочитал.

Факинг, факторинг.

Ну, по большому-то счету...

Эпизод 4

ЕЁ ПЕРВЫЙ, БЛИН

«Подымите мне веки: не вижу!»

Н.В.Гоголь, «Вий»

– Афеноген Ильич, Они хотят денег!

Вера задержалась после общего совещания в моём кабинете, чтобы конфиденциально решить самый что ни на есть банальный вопрос.

– Конечно, хотят, – согласился я.

– Иначе этот тендер выиграет Нолинярм.

– И..?

– Я всё думаю, как Нолинярм может выиграть тендер, если аукцион проходит на условиях открытых электронных торгов? Мы – прямые поставщики, Нолинярм не может дать цену ниже нашей.

– Почему? – поинтересовался я. – Он может дать какую угодно цену и запросто выиграть тендер. Вопрос в другом – сможет ли он обеспечить выполнение условий тендера по заявленным им самим же ценам.

– Конечно, не сможет! – уверенно заявила она, привычным жестом поправив выбившийся каштановый локон.

– Ну, а ему и не надо... Не барское это дело – выполнять условия по подставным «однодневкам». Вы мне скажите, о какой сумме идёт речь?

– Чтобы выиграть тендер?

– А вам что-то ещё предлагали?

Она покраснела.

Пора уже было обзаводиться опытным коммерческим директором – бизнес постепенно разрастался, и сам я уже не успевал за всем и всеми уследить.

– Пять процентов.

Я усмехнулся: в мою бытность линейным менеджером такие переговоры шли только на уровне первых лиц компаний-партнеров, а теперь скоро в счетах-фактурах появится обязательный столбец со скромным наименованием «От-

кат». Интересно только, НДС на него тоже будут накручивать?

– Ну, и делов-то: включаем в нашу цену эту пятерку плюс три на «обналичку», выуживаем нал через розницу, проводим по ИП как филькины услуги и... несите Им денежку!

– Как так..? – не поняла она.

– Вы никогда не давали взяток, Вера?

Она помотала головой.

– Надо же когда-то начинать, – вздохнул я. Счастливая она, эта девушка: у неё ещё есть в жизни моменты, когда что-то приходится делать впервые – адреналин, романтика! А потом, как правило, наступает период утраченных иллюзий, и сколько он может длиться...

– Я... я не смогу.

– Как же, как же... все могут, а вы – нет? Это весьма просто: приносите конверт с валютой... кстати, оговаривали условия по валюте?

– Рубли, – отрешенно ответила она.

– О, рад за Державу – национальная валюта начинает, наконец, котироваться у чиновников – это, должен сказать, хороший признак. Прямо-таки барометр! Так вот: приносите, значит, конвертик в кабинет, кладёте на стул, садитесь сверху, беседуете о погоде, о вашей бабушке или собачке – что ближе, в общем; потом встаёте, прощаетесь и уходите. Да, когда будете прощаться, удостоверьтесь, что ваш Клиент увидел то, что вы оставляете на стуле! Это обязательно!

– Как?

– Как, как! Посмотрите Ему в глаза – ласково и нежно, потом переведите взгляд на конверт – серьёзно и деловито, кивните слегка головой... мол, дружище, всё тут, на месте, теперь дело за тобой.

– А если вдруг откажется?

– Почему? – не понял я.

– Ну, совесть там... культура воспитания, – она явно смутилась.

Я с интересом и как-то по-новому взглянул на подрастающую смену.

– Или обманет? – с надеждой добавила она, словно вколачивая последний гвоздь в крышку старого ящика с давно неиспользованным хламом. – Он же может собрать со всех нас по конвертику, и поминай, как звали.

– Может, Вера, может. Но чисто теоретически. Уверю вас, Он этого не сделает.

Ей явно не хотелось участвовать в деле таким вот прозаическим образом: светлые университетские представления о рыночном регулировании экономики рушились на моих глазах, и я, признаться, далеко не был уверен, что когда-нибудь получу государственную награду за наставничество в области воспитания профессиональных кадров. С другой стороны, это был вызов новым трудностям, а Вера представлялась мне не тем человеком, который может повернуть вспять перед обстоятельствами – на что, собственно, я вполне цинич-

но рассчитывал в работе с персоналом: каждый осуществляет свои функции, в конце концов.

– А если сделает, то мы Его поколотим, – добавил я для веса, а она в ужасе прикрыла рот ладошкой. – Но вы глядите на всё это по-иному: например, постарайтесь войти в Его положение – во-первых, это ж не Ему одному все пять процентов; во-вторых, Это – слабый и немощный крючкотворец, вынужденный кормиться подаяниями с нашего стола; в-третьих, у Него нет ни ума, ни фантазии, потому что эти деньги всё равно Он выложит обратно в магазинах тем же коммерсантам в цене за продукты, в которой сидит компенсация этого «отката» в виде увеличенной наценки.

– А как же другие покупатели? Я? Мы-то откаты не получаем.

– Вера, включите воображение: вы получите бонус со сделки, государство – повышенный НДС и налог с прибыли, а пенсионеры – очередную прибавку. Важен позитив! Если глобально разобратся, то вы просто-напросто сдвинете прогресс! У людей появятся дополнительные средства, они смогут позволить себе разные шалости – купить плазменный телевизор, например, или посудомоечную машину, сходить в приличный ресторан и даже слетать на отдых в Сочи; в целом же существенно возрастет покупательский спрос...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.